

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
A46

Редактор серии *E. Ирмей*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

A46   **Александрова, Наталья Николаевна.**
Бокал кардинала Ришелье: [роман] / Наталья
Александрова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-208919-0

У кардинала Ришелье был особый бокал из рубинового стекла с золотым узором. Говорили, что он наделен магической силой, позволяющей владельцу проникнуть в душу человека и читать его мысли.

В наше время скромная девушка с необычным именем Виталия получила наследство от бабушки. Им с сестрой досталась квартира умершей старушки. Девушки договорились о продаже свалившихся на них квадратных метров, как вдруг начали происходить странные вещи. Кто-то убил риэлтора недалеко от этой квартиры, а Виталию стали преследовать опасные люди. Что им было нужно? Может быть, все дело в необычном артефакте, который наследница нашла среди вещей своей бабушки?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-208919-0

© Александрова Н.Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Я

еще раз нажала кнопку на телефоне, где было написано «Нита». И снова никто мне не ответил. Я оглянулась по сторонам. Двор как двор, обычный питерский колодец. Парочка подержанных машин, чахлые пыльные кусты, из подвального окошка выглянул черный кот с намерением перебежать мне дорогу, но я шикнула на него, и кот с негодованием убрался обратно.

Не то чтобы я так верю в приметы, но сегодня не стоит провоцировать судьбу. В общем, не только сегодня, а... уже несколько месяцев я живу в удивлении. Вот именно, то самое состояние, в котором я нахожусь, можно назвать удивлением.

Удивил меня звонок незнакомого человека, который представился нотариусом и сказал, что бабушка оставила мне квартиру. В первый момент я решила, что человек ошибся номером. Ну, бывает, конечно, кому-то повезло. Я так и ответила ему, что у меня нет никакой бабушки, а стало быть, никто не может мне ничего оставить.

Мужчина на том конце телефонной линии вежливо, но твердо ответил, что он звонит Гравчевской Виталии Валентиновне, это ведь я не отрицаю...

Да, это правда, ответила я, добавив про себя, что второго такого сочетания имени-отчества точно нет. Мало того что имя, какого ни у кого нет – Виталия, так еще и отчество к нему какое-то женское. Вот именно: имя мужское, а отчество – женское.

Мать всегда говорила, что это все папочка постарался. Мало того что отчество у меня от него, тут уж ничего поделать нельзя было, так он еще и имя придумал несуразное – Виталия! Такого имени-то не бывает, а он выпендрился.

И правда, здорово меня в школе доставали, да и в садике тоже, воспиталка попалась противная, все приговаривала:

– Виталик? А ты оказывается девочка, а я думала, что ты мальчик...

И так каждый день. А когда мать вправила ей мозги в свойственной ей манере, то пришлось переводить меня в другую группу.

В общем, пришлось признаться нотариусу, что это я и есть. А дальше начались чудеса. Нотариус пригласил меня в свою контору, и там я узнала, что бабушка, мать отца, оставила свою квартиру двум внучкам: мне и дочери отца от второго брака.

И я увидела ее, эту самую дочь, то есть свою единокровную сестру. Думаю, вы уже догадались, что до этого мы не то что не встречались, но

даже не подозревали о существовании друг друга. Не знаю про нее, но я уж точно.

Скажу сразу, никаких родственных чувств я к этой самой Аните не почувствовала. Больше того, она мне сразу не понравилась. Нагловатая такая девица, говорит громко, держит себя нахально, юбка короткая, у нотариуса села ногу на ногу, а ляжки толстоваты. Ну мне с ней детей не крестить, уж это точно.

Дальше пошли формальности, потом надо было ждать полгода, и вот наконец все документы оформлены, и мы первый раз идем в квартиру бабушки.

Да, почему я так удивилась звонку нотариуса, потому что думала, что бабушка давно умерла, так мать сказала, когда я спрашивала, почему у нас с ней нет родственников.

Мы жили с матерью только вдвоем с тех пор, как они развелись с отцом. Мне тогда было лет пять, и я плохо его помню.

Потом, уже в школе, я как-то поинтересовалась, отчего отец не хочет со мной видеться. Потому что родители моей подружки Соньки тоже развелись, так папа раз в неделю встречал ее из школы, вел в кафе и покупал все, что она хочет, на день рождения и Новый год дарил дорогие подарки и даже брал с собой в отпуск. Как Сонька призналась, после развода родителей ей стало даже лучше.

Ну что вам сказать... Мать тогда мне много чего наговорила. Во всяком случае, эти ее слова у меня надолго отбили охоту спрашивать ее об отце.

Мамаша моя человек своеобразный... впрочем, о ней после, а лучше совсем не говорить.

Сейчас я с досадой смотрела на экран телефона. Ведь договорились же с этой Нитой ждать во дворе у подъезда!

Да, вот у нее тоже имечко так себе, обмолви-лась она как-то, что это папочка ее назвал, так в школе каких только кличек ей не давали, а так все друзья и знакомые зовут Ниткой.

Тут открылось окно на третьем этаже, и я услы-шила крик:

— Эй!

Ну вот она, Нита, высунулась в окно едва ли не по пояс и машет руками.

— Поднимайся! — И окно захлопнулось.

И даже не сказала, какой код на дверях подъезда!

Тут кстати вышел мужчина с английским буль-догом, и я проскочила в дверь.

Лифта нет, этаж третий, высокий. Лестница грязная, пахнет кошками. Ну центр города, не са-мый приличный дом, вход со двора.

Когда я взбежала на третий этаж, дверь кварти-ры была открыта. Она была железная, хотя далеко не новая.

В крошечной прихожей было темно, так что я успела разглядеть только несколько дверей. От-крыла наугад одну из них и оказалась в довольно большой комнате.

Ощущение пространства создавали высочен-ные потолки, а так комната была заставлена мебе-лью. Мебель старая, не то чтобы ломаная, а долго

бывшая в употреблении. К тому же пыльная. Вообще пыль витала в воздухе, мне сразу же захотелось чихнуть.

В комнате было два окна, одно открыто, на другом висела застиранная портьера. Узкое окно пропускало мало света, потому что стекла были мутные от грязи. В комнате было темновато, и я сунулась к выключателю. Однако ничего не произошло.

— Что, электричества нету? — спросила я Ниту, которая как раз вошла за мной.

— Да есть, просто эта штука не фурычит, — она показала рукой наверх.

Там, под самым потолком, висела люстра. аж на двенадцать рожков. И ни один не горел. Тогда я взялась за занавеску. Карниз был старый, с большими медными кольцами. Что-то заело, я дернула посильнее... старая ткань треснула...

В общем, светлее в комнате не стало, только в руках у меня оказался обрывок занавески. Да еще и пылиши здорово прибавилось.

— Черт! — Нита зажала нос и выскочила из комнаты. — От этой пыли совсем обалдела уже!

Голос у нее был гнусавый.

Я вышла за ней в коридор и открыла следующую дверь. Оказался туалет. Ну тут тоже ничего хорошего — желтый от ржавчины унитаз, который к тому же и подтекал, ржавая цепочка с тяжелой бомбошкой. Пахло там соответственно.

Дальше была кухня. Без двери, просто проем. Узкое помещение без окон, зато свет был — заси-

женная мухами лампочка под потолком. Старые шкафчики, засаленная газовая плита, доисторический холодильник... На сушилке красовались чашки — старые, с вылинявшими рисунками, серые тарелки, на которых почти не видно было золотого ободка. От всего этого веяло бедностью и запустением. И еще одиночеством. Вот именно, я готова была поклясться, что умершая старуха жила тут совсем одна, никто ее не навещал.

Я вышла из кухни и попыталась открыть еще одну, самую последнюю дверь.

— Туда не суйся! — сказала Нита. — Туда войти нельзя просто!

Я все же попыталась. Дверь открылась на небольшую щелку, мне удалось просунуть туда голову.

Вся комната была заставлена каким-то барабахлом — старыми коробками, ломаными стульями, дальше я не разглядела.

— Говорила, не суйся, все равно ничего ценно-го там нету! Бабка была та еще барабольщица.

— А ты в этой квартире раньше бывала? — сама не знаю почему, спросила я.

Если вы думаете, что мы со своей вновь обретенной сестрой сразу же нашли общий язык, заключили друг дружку в объятия и поклялись в вечной дружбе, то вы глубоко ошибаетесь.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что она не слишком меня привечала. Тут ее даже можно понять: если бы она была единственной внучкой, то квартира досталась бы ей полностью, а так только половина. Сами посудите: живешь себе

спокойно, ждешь, когда бабуля помрет, и вдруг оказывается, что какая-то посторонняя девица, которую ты мало того, что никогда в жизни не видела, но даже и не знала о ее существовании, отнимает у тебя полквартиры!

Так что эту Ниту понять можно. Что касается меня, то она мне сразу не понравилась. Вот бывает так: вроде ничего плохого тебе человек не сделал, а ты его видеть не можешь, тебя от него просто воротит.

Вот так и со мной. Вроде я девушка спокойная, нескандальная (с моей мамашей всякого по-видала, так что с детства привыкла помалкивать, если кто-то орет и ругается), но на эту Ниту смотреть не могу. Все меня в ней раздражает: и голос слишком громкий, и макияж слишком яркий (ей не идет), и юбка слишком короткая (не подумайте, что я рассуждаю, как старушки на лавочке, просто при толстой попе и ляжках... в общем, про это я уже говорила).

Я-то худая с детства, это у меня в мать. У нее худоба от злости, а у меня — наследственная.

Короче, посидели мы тогда у нотариуса, выполнили формальности и разошлись на несколько месяцев. И ключи от этой квартиры он передал нам, то есть Аните, только накануне, когда сообщил, что мы — официальные наследницы. Так что поговорить с ней не было у меня ни времени, ни желания, ни возможности.

— Так бывала ты в этой квартире? — повторила я.

— Давно... много лет назад...

— Что так? — прищурилась я. — Вроде бы любимая внучка...

— С чего ты взяла? — она удивилась. — У нее любимчиков не было. Она, знаешь... к матери моей плохо относилась.

К моей тоже, но я думала, что это оттого, что характер у моей матери ужасный, она со всем миром в ссоре.

— В общем, я только в детстве тут бывала, тогда, конечно, такого безобразия в квартире не было, — нехотя рассказывала Нита. — А потом она все пилила и пилила мать, гадости говорила, отцу на нее наговаривала, ну мама и перестала у нее бывать. И я тоже. А ей еще и лучше, отец к ней ходил, ночевать даже оставался иногда. А потом он умер. И с тех пор мы ничего про нее не знали. Потому что она и на похоронах умудрилась маме сказать, что это она виновата, что плохо за мужем следила...

Да, похоже, что бабулька моя та еще была зараза. Везет мне на родственников!

Мы снова вернулись в большую комнату, я так поняла, что здесь бабушка и жила. Ну да, вон диван, закрытый стареньkim пледом, стол круглый на одной толстой ноге, закрыт скатертью, которая тоже пыльная, на противоположной стене шкаф с зеркальной дверцей. Зеркало, естественно, старое, поцарапанное.

— Что ты тут ищешь? — нервно заговорила Нита. — Ничего тут хорошего нету, уж ты мне поверь, пыль одна и грязь!

Я все-таки прошлась по комнате, подсвечивая себе телефоном. И в одном углу обнаружила странную такую конструкцию: снизу подставка, потом длинная ножка, в виде увитого виноградной лозой дерева, а наверху три стеклянных плафона в виде цветов тюльпана, причем один плафон разбитый.

Да, кажется, это торшер. А вот интересно, может, хотя бы он работает?

Я увидела на стене рядом розетку и не без опасения впихнула туда вилку от торшера. А потом нажала на кисточку, что свисала из «тюльпанов».

Ничего не полыхнуло, не грохнуло, торшер загорелся неярким светом, причем все три плафона. Стало быть, бабушка пользовалась им до самой своей смерти.

— Где она умерла?

— В больнице, нам позвонили... Слушай, может, хватит уже пустых разговоров? У меня времени нет в этом барахле возиться!

Тут она снова чихнула, потом еще и еще раз. Да, видно, что ей здесь плохо, глаза красные, из носа течет.

— Ну что будем делать? — спросила я. — Квартиру продавать сразу или ждать сколько надо, чтобы налог не платить?

— Чего еще ждать, — прогнувшись Нита, — черт с ними, с налогами, мне деньги нужны. И возиться с этим всем неохота. Нужно кого-то нанять, чтобы старье это на помойку вынесли, да вот хоть со двора мужиков, что у гаражей пьют, они много не возьмут.

Никаких мужиков, как, впрочем, и гаражей, я, идя сюда, не заметила, но в данный момент меня волновало другое.

Как уже говорила, мать никогда не рассказывала мне об отце и его родственниках. Разошлись — и все, точка.

Такой уж у нее характер, сама рассказывала, как поссорилась в начальной еще школе со своей лучшей подругой из-за ерунды какой-то, и все оставшиеся шесть или семь лет до окончания школы они больше не разговаривали. Но, судя по всему, отец тоже не делал особых пополнений, чтобы встретиться со мной. Мог бы подарочек по почте послать или возле школы меня подкараулить, если мать боялся. Так вот он этого не делал, и бабушка, кстати, тоже. Ну, судя по рассказам Ниты, та еще была старушенция, уж не тем будь помянута.

И тем не менее мне надоело чувствовать себя найденной в капусте. Потому что даже аист, принося ребеночка, должен знать, по какому адресу лететь и кто его там встретит. А в капустном поле можно просто так ребенка бросить — авось кто подберет.

В детстве мне хотелось настоящей семьи. Чтобы были мама, папа, брат или сестра. Чтобы в выходные ездили мы летом на дачу к бабушке, а зимой чтобы бабушка приезжала к нам и привозила домашние пирожки и еще много всего вкусного. Мать моя совершенно не умеет готовить, точнее, не хочет, еда ее не интересует, возможно, поэтому она такая худая. Или от злости.

Сейчас я знаю, что родственников у меня не прибавится, но все же хочется узнать, кем они были. Вот просто так, для общего развития. А то раньше спросят в школе, кем твой отец работает, а я и знать не знаю. Раньше на такие мои вопросы мать начинала плеваться ядом, что твоя кобра. Потом я спрашивать перестала.

И вот теперь мне хочется найти хоть что-то, может быть пару-тройку фотографий, чтобы ушла противная мысль о родном поле капусты. А для этого надо найти хоть какие-то бумаги.

— Нечего сюда ханыг каких-то приводить, — твердо сказала я, — еще сопрут что. И толку от них не будет, грязь только разведут.

— Да что они тут спереть могут? — закричала Нита. — Что тут есть хоть немного ценного? Ладно, не хочешь — как хочешь, можно и так квартиру продать...

Она подошла к окну и свесилась вниз, махая кому-то.

— Вот он сейчас придет и сам все решит! — сказала она, повернувшись ко мне.

— Кто еще? — оторопела я.

— Риелтор. Насчет продажи квартиры, сама же сказала, что нужно скорее продать!

Насчет этого говорила она, но я не спорила. Деньги мне нужны, возможно, на них я смогу купить хоть какое-то собственное жилье. Как уже говорила, жить с моей матерью невозможно, как только я закончила школу, она буквально осатанела.

Когда училась в институте, жила я некоторое время в общежитии, причем нелегально, потому что давали общежитие только иногородним, а у меня петербургская прописка, и условия хорошие — двухкомнатная квартира и одна мама. После учебы почти год жила у парня, потом снимала вместе с одной девицей однушку на краю света, больше денег уходило на транспорт, теперь снимаю комнату в коммуналке. Из хорошего там только две вещи: что сама себе хозяйка и до работы близко. Так что наследство мне очень даже кстати.

Мысли мои прервал звонок в дверь, и Нита полетела открывать. За это время она успела основательно подправить макияж, и даже из носу у нее течь перестало.

— Здравствуйте, Павел! — заговорила Нита не своим высоким голосом. — Хорошо, что вы во время, а то мы уж тут заждались!

Мужской голос ответил что-то тихо, отчего Нита засмеялась. Смех ее мне не понравился. Не потому что мне вообще мало что в ней нравилось, а просто наверняка этот тип сказал ей комплимент, а это значит, что настрой у него не тот.

Я подошла к серванту, потому что только там были три ящика, где могли лежать какие-то бумаги и фотографии. Но прежде взглянула в застекленное отделение. Там вместо посуды стояли книжки — самые обычные, в основном старые. Был еще альбом — небольшой, размером с книгу,

но очень толстый, и обложка бархатная, сильно потертая. Ясно, там фотографии.

Я сунулась было взять, альбом оказался тяжелый и стоял плотно. Я дернула сильнее, книжки упали, и я вытащила альбом.

Он закрывался на металлическую застежку, но когда я ее открыла, то не увидела внутри никаких фотографий. Пустые картонные страницы были вырезаны в середине, совсем как в кино, где в таких альбомах прячут оружие или пачку денег. Там не было денег, и пистолета соответственно тоже, там аккуратно был вставлен бокал.

Большой бокал красного стекла, и по ободку выгравированы золотые лилии. Красивый бокал, видно, что старинный, но, как ни странно, не было на нем царапин и пыли.

Очень осторожно я взяла бокал в руки. Тяжелый какой...

Тут из прихожей послышался шум, что-то упало, Нита снова противно засмеялась, и я поставила бокал на стол, чтобы выяснить, что там происходит.

Когда я вышла в прихожую, то увидела молодого мужика, который очень похож был на поросенка. Маленькие глазки, сам такой не то чтобы толстый, а какой-то круглый, одет в серый костюм с блеском, и нос пятаком. Пострижен коротко, и волосики на голове топорщатся, как свиная щетина. Ну вылитый Хрюша! Только тот был гораздо симпатичнее.

— Да-да... — проговорил он вкрадчивым голосом, но было такое чувство, что сейчас хрюк-

нет, — сейчас все быстренько решим... Это не займет у вас много времени...

Он протиснулся мимо меня в комнату, делая вид, что меня тут вообще нет. Смотрел он только на Ниту, так что я даже удивилась: что такого интересного он в ней нашел?

В комнате риелтор поднял свои бесцветные рыбы глазки к потолку, затем обвел взглядом комнату, опять-таки старательно обходя меня взглядом, и проговорил своим противным сюсюкающим голосом:

— Ну Анита... Валентиновна, сами посудите, так будет гораздо удобнее! Если у меня будут ключи, я не стану лишний раз вас беспокоить. Вы ведь человек занятой... Я смогу приводить сюда потенциальных покупателей в любое удобное время...

— Удобное — кому? — переспросила я насмешливо.

Но моя насмешка пропала даром, потому что он ее не заметил. Он вообще не услышал мои слова и продолжал сюсюкать, обращаясь исключительно к моей... не хочется называть ее сестрой, но, похоже, это так и есть.

— Уверяю вас, так у нас дело пойдет гораздо быстрее!

Нет, ну как вам это понравится? Меня здесь как будто вообще нет! И откуда она откопала этого... это хрюкающее млекопитающее?

Ужасно захотелось дернуть этого типа за плечо и проорать ему в свинячью физиономию, чтобы